

18+

ЛЕДИ

ИЗАБЕЛЬ СИЛЬВЕР

СМЕРТЬ

Изабель Сильвер

Леди Смерть

<https://litres.ru/74291078>

ISBN 9785007079853

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Когда в Лондон приходит чума, забирая жизни целыми семьями, молодая девушка решает бороться. Потеряв всех, кого любила, она надевает маску чумного доктора. Но она еще не знает, что ее появление на улицах породит зловещий культ. Ослепленные фанатики открывают охоту на врачей, и именно ей уготована роль главной жертвы в кровавом ритуале. Сможет ли она выжить среди заговоров и тайн викторианских улиц?

Содержание

Леди Смерть	6
Первая Глава	7
Пролог	7
Англия. Лондон	8
Амелия	9
Вторая глава	19
Третья глава	28
Четвертая глава	36
Пятая глава	45
Шестая глава	52
Седьмая глава	59
Восьмая глава	63
Девятая глава	69
Десятая глава	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Леди Смерть

Изабель Сильвер

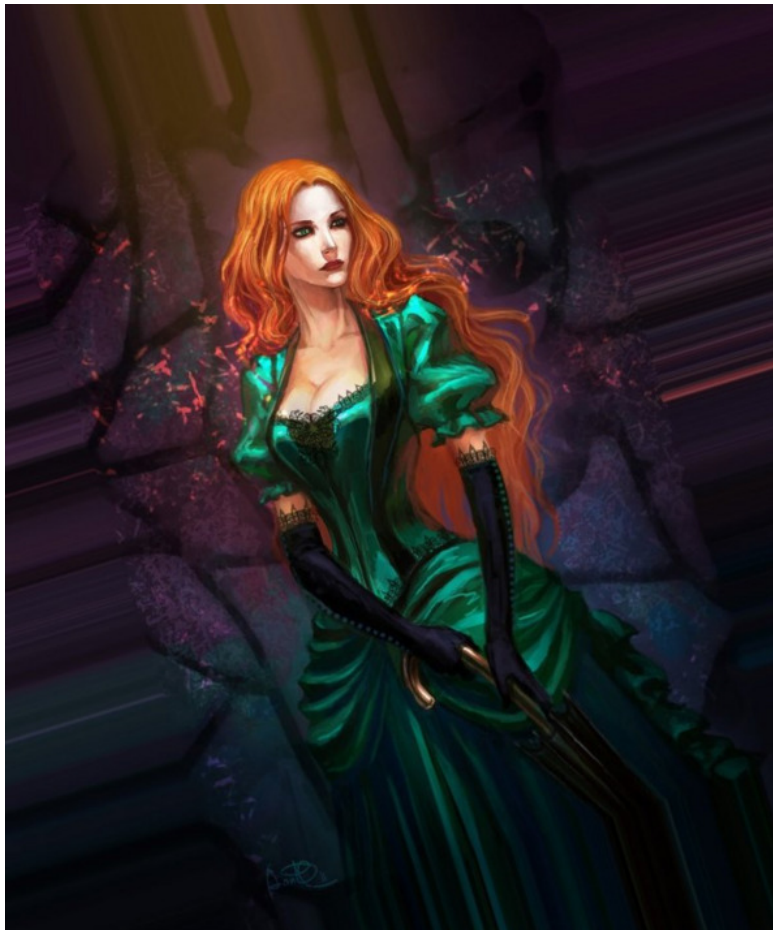
Благодарности:

Сильвер Изабель

© Изабель Сильвер, 2026

ISBN 978-5-0070-7985-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Изабель Сильвер

Леди Смерть

Догорают деревни и города
В предсмертной агонии корчится мир,
Властвует здесь дочь Смерти — Чума,
Созывая ворон
На омерзительный пир,
Куда не взгляни повсюду тела,
И птичьи маски Чумных
Докторов,
Ночь словно день стала бела,
От огней погребальных костров.

Посвящается моему любимому мужу Александру

Первая Глава

Пролог

Англия. Лондон

1665 год от рождества Христова.

Амелия

Я медленно бреду по очередной опустевшей улочке. Тут и там на земле лежат тела: их кожа покрыта глубокими язвами, из которых сочится гной вперемешку с черной кровью. Лихорадка скосила большую часть населения. Болезнь протекает исключительно в тяжелой форме, поражая лимфоузлы, легкие и другие внутренние органы, после чего наступает сепсис. Черные язвы покрывают почти сорок процентов кожи. Конечно, были и те, кто смог вырваться из лап этой страшной болезни, но лишь единицы. В основном — стопроцентный летальный исход.

Чума, или, как ее прозвали, «черная смерть», пришла и в наш город. Она протянула свою костлявую руку к каждому дому, протиснулась сквозь каждую дверь и заползла под каждое одеяло.

Священники и проповедники связывали это с Библией, с Божьей карой. Помню, на одной из воскресных служб, еще до всего этого, нам зачитывали Первую книгу Царств. В ней говорилось о войне израильтян с филистимлянами. Израильтяне, проиграв не в первый раз, решили доставить в свой стан Ковчег Завета Господня, дабы поднять боевой дух. Но и это им не помогло. После ожесточенной битвы филистимляне забрали Ковчег как военный трофей. Его доставили в город Азот, возложив к ногам идола Дагона, и вскоре на го-

род и его округу обрушился страшный недуг. Среди людей вспыхнула болезнь.

В писании говорилось:

«И отяготела рука Господня
Над Азотянами, и он
Поражал их и наказывал их
Мучительными наростами в
Азоте и в окрестностях его»
1 Цар. 5: 6

Те, кто остались в живых, — а их было немного, — наперебой утверждали, что это Господь покарал их. В попытке спасти всех уцелевших они решили избавиться от Ковчега и отправили его в другую провинцию Филистимскую, в город Геф. История повторилась. После этого Ковчег перевезли вновь, в третий город — Аскалон. Там собрался совет из пяти правителей пяти городов. Они приняли решение вернуть израильтянам Ковчег, дабы положить конец людским смертям. И если мне не изменяет память, глава книги заканчивается словами: «И те, которые не умерли, поражены были наростами, так что вопль города восходил до небес».

До того как чума дошла до нас, я воспринимала всё это как выдумки, как что-то нереальное. Но теперь, проходя по зараженному городу, я понимаю всю соль этих писаний. На ум приходит еще один отрывок из Священной книги о тех обреченных городах.

«Золотые эти наросты,
Которые принесли
Филистимляне в жертву
Повинности Господу, были:
Один за Азот, один за Газу
Один за Аскалон, один за Гёф
Один за Аккарон; и золотые
Мыши были по числу всех
Городов Филистимских —
Пяти владетелей, от городов
Укрепленных, и до открытых сел.»

Зимой 1664 года, когда мне только-только исполнилось семнадцать лет, на небе были видны яркие кометы. Жители Лондона опасались, что это предзнаменования ужасных событий. И скорее всего, они были правы: с наступлением весны пришла чума. Считалось, что в Англию эта эпидемия проникла из Нидерландов, где зараза появлялась периодически с 1599 года. Но все же никто не мог сказать этого точно.

В те далекие времена мой город представлял собой поселение площадью не более четырехсот сорока восьми гектаров, окруженное городской стеной и пригородами. Но со временем он разросся: появились высокие дома, твердые мостовые. Численность населения выросла, как и площадь. Я все еще помню, как над городом высился дым мыловаренных фабрик, металлургических заводов, пивоварен. Про-

гресс дошел до того, что пятнадцать тысяч домов отапливались углем. До эпидемии достопочтенный Джон Граунт проводил перепись населения, вписывая в книгу регистрации каждого младенца. Не то что сейчас: теперь он не успевал записывать умерших. Болезнь унесла больше половины жителей Лондона.

Я жила в большом поместье Ковент-Гарден с родителями, двумя старшими братьями и младшей сестрой. Наше поместье располагалось в сердце Лондона, в восточной части Вест-Энда, между Сент-Мартинсом и Друри-Лейн. Мой предок Джон Рассел, первый граф Бедфордский, получил это поместье сто тринадцать лет назад. Моя семья считалась богатейшей в Лондоне. Нам принадлежали фруктовые и рыбные рынки, суда, строительные компании и много всего прочего. Раньше деньги имели вес, а что сейчас? Чуме все равно, богат ты или беден, простой человек, дворянин или глава государства. Никакая стена, даже самая толстая, не остановит ее. Тебе не уйти, если тебя отметила Смерть, одарив своим черным поцелуем. Чуму не остановить деньгами и пушками. Чуму невозможно было ни в чем убедить, и у нее ничего нельзя было вымолить...

Несмотря на процветание, у города, как и у многих других, имелась и обратная сторона. Чем дальше от центра, тем больше встречалось бедняков, не имеющих даже крова для ночлега. Горы гниющего мусора, нечистоты... Конечно, городская власть пыталась все убирать, вывозя отходы

за пределы стен и оставляя их разлагаться там. Но этого было недостаточно: повсюду стоял ужасный зловонный запах. Из-за отсутствия канализации сточные воды текли прямо по улицам. Люди ходили, закрывая лица носовыми платками. Состоятельные горожане нанимали либо приобретали экипажи и паланкины, чтобы добраться до места назначения, минуя всю эту грязь и смрад. Бедным же приходилось идти пешком, попадая под брызги, летящие из-под колес телег, и помои, сбрасываемые с верхних этажей домов.

Проходя мимо некогда прекрасных городских ворот Людгейта, я направляюсь на юг к реке Темзе. Только здесь можно было пересечь реку по Лондонскому мосту. Холодный ветер колышет мое платье, хотя сейчас середина июля. Дойдя до середины моста, я опускаю взгляд на черную мутную воду. Я вижу несколько трупов, качающихся на волнах. Отсюда плохо видно, но мне кажется, это женщина и мужчина средних лет. Их руки раскинуты, на открытой коже хорошо видны язвы. Им я уже ничем не могу помочь, поэтому прибавляю шаг.

Я уверена: еще год назад от такого зрелища меня, скорее всего, начало бы мутить. Но не сейчас. Я настолько привыкла к смерти, что это больше не пугает меня. Я иду дальше, за городские стены. Там царила точно такая же антисанитария еще до чумы. В этом районе в основном жили торговцы и ремесленники, числом более четверти миллиона человек. Когда умерли первые десять, люди хлынули в и без того

переполненный город. Они считали, что городские стены и церкви защитят их и их семьи.

Как известно, первыми заболевшими были нищие. Портовые пригороды Лондона, включая приход церкви Сент-Джайлс, были битком набиты людьми. Из числа знатных первой стала некая Ребекка Эндриус, скончавшаяся в собственной постели двенадцатого апреля 1665 года. В то же время число смертей в неделю возросло с двухсот до трехсот девяноста восьми человек. Зимой чума распространяется не так агрессивно, но с приходом весны она начинает свирепствовать, забирая все больше и больше жизней.

К июлю чума добралась до центра Лондона. Король Карл II вместе со своей семьей и свитой покинул город, перебравшись в поместье в Оксфордшире. Из представителей власти остался лишь лорд-мэр Джон Лоуренс. Также город отказались покидать священники, даже архиепископ Кентерберийский и епископы Лондона, дабы вселить в людей надежду на спасение. Врачи и аптекари были вынуждены остаться, чтобы помочь тем, кому еще можно было помочь. Со временем Лондон прекратил всё торговое сотрудничество, остановив речное и морское судоходство. По одной простой причине: людей не хватало даже на то, чтобы собрать корабельную команду. Горожане умирали целыми семьями.

Многие состоятельные граждане покинули Лондон, перебравшись в свои загородные поместья. Многих слуг они бросили на произвол судьбы. Их труд стал не нужен, а значит,

и деньги зарабатывать было неоткуда. Не знаю, что бы было, если бы не благотворительные пожертвования: без них мэру и констеблям было бы не удержать общество в спокойствии. На совете выдвинули предположение, что разносчиками заразы являются домашние животные. Поэтому в пик заболеваемости олдермены безжалостно перестреляли кошек и собак, чем лишь ускорили распространение болезни. Ведь позже выяснилось, что прямым носителем чумы были крысы. А точнее — блохи, которых они переносили. Когда на улицах не осталось котов и псов, полчища крыс стали спокойно бродить повсюду, пробираясь в каждый дом.

Не было ни одного дома, куда бы не проникла «черная смерть». Даже нашу семью не обошла эта зараза. Мама слегла в начале мая. Отец никого из нас не подпускал к ней; более того, все восточное крыло закрыли на карантин. Никакие слезы и уговоры на него не действовали. Теперь уже всем известно, что инкубационный период длится от двух до шести дней. Мама умерла на пятый день после заражения. Ее предсмертные крики от нестерпимой боли разносились по пустому особняку. В то время у нас на службе было около шестидесяти человек, но после смерти мамы отец распустил почти всех. Остались только кухарка, две служанки и возничий.

Вслед за мамой ушли мой старший брат Финн и семилетняя Луна. Отец совсем обезумел от горя, нам не дали даже похоронить их как подобает. Он закрылся в себе и вскоре скоропостижно ушел вслед за ними. Он застрелился в поко-

ях матушки. Его смерть стала для нас неожиданностью. Все свои владения и дела он взвалил на наши плечи: на меня и Вильяма, последнего мужчину из династии Расселов. Я отчетливо помню этот громкий, пугающий выстрел, разбудивший меня среди ночи. В покои меня не пустили, да и хоронили мы его в закрытом гробу. Как сказала тетушка Генриетта: «Не на что там смотреть, врачи не смогли даже собрать все фрагменты черепа».

Вот так в одночасье моя счастливая и беззаботная жизнь рассыпалась в прах. Несмотря на то что мама воспитывала нас всех одинаково, прививая любовь друг к другу, мы с братом еще с детства не особо ладили, а уж теперь каждый пошел своей дорогой.

Вильям, как и многие другие мужчины, помогал городу: убирал трупы, копал братские могилы, разносил пищу и чистую воду беднякам. Он стал примером, общественным деятелем, который, невзирая на статус и положение в обществе, не чурался грязной работы. Его уважали и почитали.

Я же выбрала путь, совсем не подобающий благородной леди. Днем для всех я была примерной прихожанкой, помогавшей в приходе Сент-Джайлс. Но это была лишь обманка. Нет, конечно, я служила церкви, но совсем не так, как полагалось. Как известно, женщинам не позволялось изучать науки, искусства и прочие «мужские» профессии. Но когда пришла Смерть, всем стало все равно — лишняя пара рук не мешала. Поэтому из белоручки, девушки из знатной семьи, я

превратилась во врача. Нас обычно называли чумными докторами. Я была единственной женщиной, которую приняли на эту службу. Конечно, наши мнения с братом разошлись: он ясно дал понять, что не одобряет мой выбор. Но мне было все равно — я хотела приносить реальную помощь своему городу, а не просто сидеть и молиться с утра до ночи.

Моё одеяние было белого цвета. Как утверждал архиепископ, людям хочется видеть надежду — ангела, входящего в дом к больному. Самой главной защитой костюма была носатая маска, напоминающая клюв птицы. Помимо «клювастой» маски, наряд включал в себя длинный, от шеи до лодыжек, плащ с капюшоном. Под плащом у меня были узкие брюки, на руках — перчатки, а волосы спрятаны под платком и шляпой. Все элементы одеяния выполнялись из вощёной кожи или, на худой конец, из грубого холста, пропитанного воском. Сам плащ шился из обычной ткани: в моём случае — из белой, для других — из чёрной.

Признаюсь честно: впервые увидев эту ужасную маску, я испугалась. Я уже хотела отказаться — затея больше не казалась хорошей. Но архиепископ заверил, что маска такого рода, по поверьям, способна отводить болезнь. В первую неделю мне было ужасно плохо. Кончик клюва был заполнен сильно пахнущими лекарственными травами, которые облегчали дыхание при постоянном чумном смраде. Помимо всего этого, нам приходилось постоянно жевать чеснок, а в ноздри и уши помещать губки, пропитанные ладаном. Что-

бы не задохнуться от такого «букета» запахов, в клюве имелись два небольших отверстия. Также маска имела стеклянные вставки для глаз. И вот только в таком обличье можно было заходить в дом, где могли находиться заражённые. Такие меры предосторожности защищали нас, но бывали случаи, когда не спасали и они.

Вторая глава

Рано утром мне из церкви принесли письмо: в нём некая Маргарет умоляла помочь её сыну. Не завтракая, я облачаюсь в костюм и направляюсь за город.

Недалеко от обочины я замечаю одиноко стоящий ветхий домик. Он настолько стар, что стены его покосились, а крыша обветшала. На улице началась морось — проклятая погода. Капли дождя застилают стекла маски, приходится протирать их, чтобы хоть что-то видеть. Заметив меня ещё у дороги, хозяйка дома выходит навстречу. Даже с большого расстояния я отмечаю про себя: я пришла куда нужно. На лице женщины видны начальные признаки чумы. Ее кожа побледнела, я бы даже сказала — побелела как бумага. Под глазами красные круги, слизистая глаз воспалена. При её приближении я замечаю плохо спрятанную язву на шее.

— Спасибо, спасибо, что пришли так быстро! — в её голосе ясно слышатся отчаяние и усталость. «Ей жить меньше двух дней», — отмечаю я про себя.

— Здравствуйте! — из-за маски мой голос звучит неузнаваемо: низко, будто с хрипотцой. — Где больной?

Женщина кивает и ведет меня в свой Богом забытый дом.

— Как мне к вам обращаться? — неожиданно спрашивает она.

— Зовите меня Амелия, — коротко отвечаю я.

Да, меня зовут Амелия Шарлотта Рассел. Сейчас мне восемнадцать лет — слишком мало, чтобы быть врачом, и слишком много, чтобы быть невестой. До чумы отец намеревался выдать меня замуж за сына мэра, Гарри Лоуренса. Но не сложилось: чума унесла его быстрее, чем мы успели обвенчаться. Так я и осталась незамужней девицей. Но сейчас, в наше и без того непростое время, никому нет до этого дела. Сейчас главное — выжить.

Переступив порог жилища, я сразу замечаю на полу кровавые гниющие тряпки. Значит, я точно по адресу. Хозяйка ведет меня в самую дальнюю комнату. Потолки здесь настолько низкие, что мне приходится наклонять голову, дабы не сбить шляпу. На маленькой кровати лежит мальчик, наверно, лет десяти, не больше. Самое страшное — видеть, как умирают дети, пока ты стоишь рядом и не знаешь, чем помочь. Тяжело вздохнув, я подхожу ближе. Мальчик лежит на спине, его веки плотно сомкнуты. На лбу выступил пот, тонкая ночная сорочка прилипла к телу. Осмотрев ребёнка, я нахожу как минимум шесть небольших язв. Выпрямившись, насколько это возможно, я зову его мать.

Помимо неё и этого малыша, я замечаю других детей разного возраста. Скорее всего, они увидели меня ещё с улицы через маленькое грязное окошко. Малыши прижимаются друг к другу, о чём-то перешёптываясь. Женщина подходит ко мне с застывшими в глазах слезами. Как бы больно мне ни было, я произношу роковые слова:

— Мальчик не протянет до вечера.

Женщина ахает и падает на пол. Её рыдания отражаются от пустых стен лачуги. Я продолжаю:

— Вы тоже заражены. Если позволите, я осмотрю и других членов семьи, дабы убедиться, что у них есть шанс выжить.

— Если я умру, у них не будет шанса! Прошу, умоляю вас... — женщина хватает меня за ноги, вцепляясь в мой плащ. — Помогите, возьмите моих детей с собой!

Высвободив край плаща из её ослабевших рук, я разворачиваюсь, чтобы уйти. Мне больше нечего здесь делать. Детские приюты переполнены, мне некуда их вести. К тому же это не входит в мои обязанности. Возможно, за это время я и стала чёрствой, но я не способна спасти каждого. У порога я замедляю шаг. Обернувшись на плач женщины, достаю из кармана два пузырька.

— Это настой из розовых лепестков, а это — маковое молоко. Мне жаль, больше мне нечем вам помочь. Молитесь. Кто знает, может, Господь всё еще слышит нас.

Я покидаю чумной дом. Из другого кармана вынимаю уголь и, нарисовав на двери жирный черный крест, возвращаюсь в город. Дома, где был подтвержден больной, помещались на карантин. Он составлял сорок дней. Мало кто доживал до конца этого срока.

Вернувшись в город, я сразу иду к приходу Олдгейт: вчера за ужином Вильям обмолвился, что будет работать там весь день. Завидев меня на улицах, люди расходятся в стороны,

истово крестясь. Каждый лондонец боялся появления чумного доктора, тем более — женщины. Они верили, что под моей маской скрывается вовсе не человек, а дух, пришедший покарать грешников. Но были и те, кто постоянно судачил, гадая, кто же эта бесстрашная леди. Я же просто молчала, ведь никто не должен знать, кто скрывается под клювастой маской. Другие доктора тоже прятали лица; правду знали лишь родные, архиепископ и мы сами. Нас всего десять на весь Лондон. Самому старшему из мужчин сорок три: после того как он похоронил всю семью, другой жизни он уже не знал.

Возле прихода я замечаю Вильяма. Его трудно не заметить: даже под одеждой простого рабочего угадывается благородное происхождение. Волевой подбородок с ямочкой привлекал немало женщин, а величественный прямой нос он привык совать туда, куда не следует. Признаться, раньше он был склонен к инфантильности. Малейшее пятнышко на манжете вызывало бурю негодования, не подобающего воспитанному джентльмену. Густые иссиня-черные волосы опускаются до плеч и — почему-то — всегда остаются в идеальном порядке. Несмотря на жестокость этого мира, брат остался добрым, но упрямым как осел. А его карие глаза, жгучие, как ночные страсти, разбили немало сердец. Для многих он — идеальный мужчина: широкие плечи, узкий таз, крепкая мышечная масса, развитая из-за тяжелых работ. Услышав шепотки, вызванные моим появлением, брат

обернулся. Его лицо, как обычно, ничего не выражало, лишь густые черные брови съехались к переносице. Я иду спокойно: знаю, что никто не смеет и предположить, что под маской — его младшая сестра. Воткнув лопату в землю, Вильям направляется мне навстречу.

— Что ты здесь делаешь? — с раздражением спрашивает он. Прохожие уже не обращают на нас внимания: мы часто приходим к приходам, чтобы оповестить о новых заболевших.

— За мостом, слева от берега, стоит старый дом с черным крестом на двери, — я говорю специально громко, хотя все и так слушают, бросив работу. — Ребенок десяти лет и его мать. Мальчик не доживет до вечера, у матери есть дня два, в лучшем случае — три.

— Понял, — с горечью проговаривает Вильям. За какой-то год его некогда бархатный голос превратился в грубый бас.

— И еще: там трое здоровых детей. Они чисты!

— Вы же знаете, наши приюты переполнены. Нам некуда их поместить.

— Я знаю. Но я должна была сказать.

Как только я замолкаю, люди возвращаются к работе. Я замечаю у собора телегу с телами, завернутыми в рогожу, и подхожу к брату чуть ближе.

— Куда вы собираетесь? — едва слышно произношу я. Вильям осторожно оглядывается, чтобы убедиться, что нас

никто не слышит.

— В километре от церкви мы вырыли яму пятнадцать на шесть метров, рядом с городским кладбищем.

— Все так плохо? — я киваю на телегу. Глупый вопрос.

— Мы не успеваем вывозить тела, приходится складывать их прямо на улице. Погода еще к черту... Яма уже почти заполнена, Амелия. Если мы не прекратим копать, то достанем до грунтовых вод. Один из наших уже насчитал около тысячи ста четырнадцати тел. Поэтому я прошу, умоляю тебя: прекрати выходить из дома.

Я театрально закатываю глаза — каждый наш разговор заканчивается одинаково. Вильям просит меня бросить всё и немедленно покинуть Лондон.

— Ты же знаешь, что я не могу. Я нужнее здесь.

— Ты — всё, что у меня осталось. Если я потеряю и тебя, что станет со мной? Неужели тебе настолько наплевать на меня?

— Я не собираюсь обсуждать это на улице, где каждый второй может нас услышать или, что хуже, разоблачить меня. Пришли за мной вечером экипаж к собору.

Не знаю, что еще хотел сказать Вильям, но я уже развернулась, уходя в глубь города. За день я посещаю еще шесть домов, и лишь в одном нахожу обычную простуду. Женщина с облегчением смотрит на меня сквозь слезы радости: ее ребенок и муж будут жить.

— Я советую не покидать дом до полного выздоровления.

Пейте больше чистой воды и не забывайте о хорошей еде. Я оставляю вам пузырек с настоем розовых лепестков.

Ближе к вечеру я возвращаюсь в свой приход. Монахини в длинных кожаных перчатках помогают мне снять вещи и маску. Каждый день приходится раздеваться догола: одежду забирают на обработку и покрытие свежим слоем воска. Девушки уже приготовили для меня горячую ванну, чтобы смыть тяжесть очередного страшного дня. Мыться приходится очень тщательно — риск заразиться слишком велик.

В одной полупрозрачной сорочке я вхожу в купальню. На небольшом пьедестале стоит ванна, наполненная почти до краев. Запах стоит потрясающий — лавандовый, как я люблю. Сев перед зеркалом, я принимаюсь расплетать свои длинные рыжие волосы. Осматриваю руки: от недостатка солнечного света кожа стала настолько бледной, что видны голубые венки. Да, сейчас я выгляжу как настоящая благородная девица.

Снова взглянув на отражение, я замечаю, что мои некогда зеленые глаза утратили блеск. Кажется, молодость утекает сквозь пальцы. Покойный брат Финн всегда говорил, что мои глаза похожи на два осколка малахитовой шкатулки, которую он как-то разбил у матушки. А что я вижу сейчас? Бледную девушку с потухшим взглядом, потрескавшимися губами и бесполезными ямками на щеках. В моей жизни не осталось места для радости — только скорбь и бесконечная череда смертей.

От чувства бессилия я роняю голову на туалетный столик, и тело содрогается от рыданий. Каждый божий день заканчивается так: груз ответственности за тех, кому я не смогла помочь, давит на мои хрупкие плечи. Раньше монахини врывались в купальню, услышав мой плач, но со временем поняли, что это бесполезно. Мне нужно выплакать свою боль.

Едва хватает сил залезть в ванну. Вода немного остыла, но это не мешает мне наслаждаться ею. Первым делом я промываю густую копну волос. Огненно-рыжий цвет достался мне от покойной матушки. Оба брата пошли в отца, а мы с сестренкой — в маму. Даже курносый нос и веснушки достались нам от нее.

По моей просьбе в воду добавляют ладан и лечебные травы. Закрыв глаза, я начинаю дремать. Нам приходится ходить по городу исключительно пешком, чтобы не выдавать свою личность. Я не могу брать свой экипаж — это мера предосторожности. Архиепископ рассказывал, что бывали случаи, когда больные в безумной агонии нападали на врачей, мстя за то, что те не могут им помочь. Поэтому нам запрещено открываться.

Около восьми вечера Вильям присылает за мной экипаж. Все просто: утром меня везут в церковь, вечером забирают домой. Кто в здравом уме догадается, что под маской скрываюсь я?

Монахини приносят мой наряд. Облачившись в платье нежно-розового цвета с золотыми вставками, я пытаюсь уло-

жить непослушные волосы. Первое время было трудно их скрывать, приходилось туго плести косы, но теперь я приновилась. Последний взгляд в зеркало: нужно убедиться, что я не выгляжу как живой труп. Слегка щиплю щеки, чтобы появился хоть какой-то румянец.

Третья глава

Несмотря на бедствие и медленное умирание страны, мода шла впереди планеты всей. Сейчас к нам пришла пури-танская строгость, но мое платье из дорогого шелка и атласа выглядело шикарно, лишний раз подчеркивая статус благородной леди. Лиф с короткой баской, под ним — тугой корсет из китового уса. К лифу умело пришиты пышные кружевные рукава, обнажающие нежную кожу рук. Две нижние юбки сшиты из нежнейшего золотого шелка. На туалетном столике лежат серьги из драгоценного рубеллита — подарок Вильяма на мое шестнадцатилетие. Дополняют наряд небольшая шляпка и сапфировая подвеска, которую я никогда не снимаю.

— Ваш экипаж прибыл, миледи, — голос одной из монахинь прерывает тишину.

— Франческа, сколько раз мне повторять: зови меня по имени. В наше время не до формальностей.

Луноликая девушка с приятной улыбкой молча кивает. Надев короткие льняные перчатки и расправив кружева на плечах, я спешу к выходу. На улице снова пошел крупный дождь, превратив мостовую в сплошное месиво из грязи. Попрощавшись со священником, я выхожу из церкви, накинув на плечи серый плащ.

Только на лестнице я замечаю, что это не моя карета. За-

медлив шаг, я вглядываюсь в плотную стену дождя в надежде, что мой кучер Джем вот-вот подъедет. Но из экипажа выходит он — Эзра Вильсон.

Сын главного врача и патологоанатома Лондона, он пытается ухаживать за мной еще с прошлого лета. Весьма состоятельный молодой человек — любая девушка мечтала бы стать его женой, но не я. Образованный, сообразительный и весь из себя правильный... аж тошно.

Сегодня на нем парадный пурпурный дублет и плащ из дорогого черного сукна. С его шляпы стекает вода, растекаясь по плечам.

— Миледи, позвольте сопроводить вас до дома? — от его грубого голоса по спине бегут мурашки. Мне неприятно его общество, но он лучший друг Вильяма. Брат всеми силами пытается нас свести.

Эзра подходит ближе, раскрывая надо мной зонт. По правилам этикета я протягиваю руку; его длинные пальцы обхватывают мою ладонь. Наклонившись, он целует тыльную сторону кисти — даже через перчатку я чувствую, насколько горячи его губы. Непроизвольно на моих щеках выступает румянец.

— Благодарю вас, Эзра! Но за мной уже отправили экипаж.

Он подходит еще ближе. Я медленно отступаю. Сейчас страшное время, доверия нет даже к близким друзьям.

— Вильям отправил за вами меня! — с улыбкой прогова-

ривает он. Ему около двадцати пяти лет — судя по мелким морщинкам у глаз. Под черной шляпой — идеально гладкие волосы пепельного оттенка. Если бы не мой эгоцентризм, я бы, наверное, давно бросилась ему на шею, как другие дамы.

— Что ж, в таком случае я позволю вам сопроводить меня.

В его небесно-голубых глазах загораются подозрительные огоньки. Подобрал юбки, я сажусь в экипаж. Внутри пахнет травами — видимо, это коляска его отца. Мы сидим по разные стороны. Чтобы избежать разговора, я откидываю шторку, всматриваясь в ночные улицы. Где-то там под проливным дождем умирают люди. Чувствуя пристальный взгляд Эзры, я медленно оборачиваюсь.

— Ваш взгляд говорит о том, что вы хотите мне что-то сказать, мистер Вильсон.

— Вы, как обычно, проникательны, Амелия. Не хочу ходить вокруг да около. Сегодня днем я просил у Вильяма вашей руки!

Дыхание перехватило, будто корсет сдавил грудную клетку еще сильнее.

— Я намерен жениться на вас и увезти в свое поместье в Бедфордшире. Сам король Карл даровал мне его за научные успехи... — от потока информации у меня начинает болеть голова.

— И что сказал мой брат?

— Как вам известно, дорогая Амелия, ваш брат желает вам только лучшего. Он не против и готов дать свое благо-

словение. Конечно, если вы согласны. Ну, вы согласны?

У меня дрожат руки. Замужество означает конец моей работы, которую я, пожалуй, больше ненавижу, чем люблю, но потребность помогать людям выше моей собственной судьбы. Я выйду замуж только по любви. Мое молчание затягивается. С каждой секундой лицо Эзры мрачнеет, на лбу проступает вена.

— Мне нужно это обдумать, — наконец произношу я.

Я готова поклясться, что услышала его стон отчаяния.

— Прости, если я буду резок, но о чем тут думать? — его голос становится жестким. Милый художник превратился в надменного тирана. — Я предлагаю тебе блестящее будущее! Мои работы взлетели в цене. Ты представляешь, сколько это денег?

— Если вы не забыли, мистер Вильсон, моя семья — одна из богатейших в Лондоне, — грозно перебиваю я. — Мне не нужно замужество, чтобы обеспечить старость.

Эзра тут же меняет тактику:

— Амелия, прости мою дерзость. Ты же знаешь, я люблю тебя. Полюбил с первого взгляда... Ты была в саду, в ярко-желтом платье, в волосах трепетали белые ленты... — он медленно наклоняется ко мне. — Твое лицо украшала диадема из сапфиров. Ты помнишь?

Его лицо совсем близко. Не раздумывая, я наотмашь бью его по щеке. Звонкий шлепок заставляет Эзру отпрянуть.

— Да как вы смее! Ваше поведение неподобающе! —

щека Эзры горит, след от руки виден даже в тусклом свете.
— Возничий, стой!

Кучер натягивает поводья. Я открываю дверцу, намереваясь уйти немедленно. Плевать, что идти под дождем. Эзра хватает меня за руку, сдергивая перчатку.

— Ты в своем уме?! — я бросаю на него яростный взгляд. Не дожидаясь извинений, я покидаю экипаж. Спустя минуту он бросается вслед за мной.

— Амелия, ради Бога, прости! — его пальцы обхватывают мое запястье. — Вернись в коляску, забудем это недоразумение.

— Отпустите меня! Я никогда не выйду за вас, даже если вы останетесь единственным мужчиной в Англии!

— Какие-то проблемы, миледи? Этот господин докучает вам?

Мужской голос заставляет меня обернуться. Из тени выходит молодой человек с дымящейся трубкой. На нем длинный коут, из-под которого видна белоснежная сорочка. С нагрудного кармана свисает цепочка часов. Вильсон отпускает мою руку.

— Заверяю вас, сэр, у нас всё в порядке!

Незнакомец медленно вынимает трубку изо рта и производит:

— Я говорил не с вами. Я обращался к этой юной леди.

Его голос вызвал во мне странное волнение. Я с трудом отрываю взгляд от незнакомца, чтобы посмотреть на Эзру.

Тот багровеет от злости.

— Благодарю вас, сэр, со мной... всё в порядке, — лгу я. Плащ намок, холодная влага бежит по коже. Незнакомец делает шаг вперед, отгораживая меня от Эзры.

— Вы же слышали, у нас всё хорошо! — заявляет Вильсон.

— Прошу заметить: девушка сказала, что у нее всё хорошо. Про вас слова не было. А значит, милая особа не желает вашего общества.

Эзра хотел возразить, но рядом остановился другой экипаж — со знакомой эмблемой. Из кареты вышел Вильям. Его черные волосы намокли под дождем, он быстро поравнялся с нами.

— Какие-то проблемы, сэр?

Незнакомец приподнимает шляпу. Под ней — коротко стриженные угольно-черные волосы. Свет падает на его лицо: прямая щетина, благородный нос и глаза... потрясающие синие глаза, похожие на лазурит. Над левой бровью — бледный шрам.

— Прошу прощения, сэр, я застал возмутительную картину, — он указывает на Эзру. — Этот джентльмен хотел силой затащить леди в коляску.

Лицо Вильяма мрачнеет.

— Я лишь хотел защитить ее честь! — выпалил Эзра.

Вильям хватает его за мокрый плащ. От неожиданности я вскрикиваю, роняя в лужу вторую перчатку.

— Это правда? — Вильям встряхивает напуганного друга.

— Отвечай!

— Всё было не так! — выдавливают тот. Брат грубо отталкивает его.

— Отныне держись подальше от моей сестры! А вы, — он поворачивается к незнакомцу, — благодарю вас. Теперь вы ваш должник. Пошли, Амелия.

С трудом разжав хватку брата, я подхожу к незнакомцу.

— Примите это в знак благодарности, сэр, — я стягиваю с шеи розовую шелковую ленту. Его пальцы едва коснулись моей ладони. Он улыбается.

Я провожаю его взглядом, пока его фигура не скрывается в тени Гайд-парка. Жаль, я забыла спросить его имя.

До дома ехали молча. Вильям был чертовски зол. Я понимала, что он злится на меня, хотя моей вины не было. В холле нас встретили служанки. Я хотела уйти к себе, но Вильям окликнул меня у лестницы.

— Что за публичную сцену ты устроила?! Ты хоть представляешь, как мне было стыдно?!

— В чем ты меня обвиняешь? — я сложила руки на груди. — Ты дал разрешение на брак, которого я не желаю. Ты даже не спросил меня!

— Я глава семьи, Амелия! Я решаю, что для тебя лучше!

— Какая семья, Вильям? — перебила я. — Ты проводишь всё время в кабаках, просаживая наше состояние на пойло и девок!

— Не смей меня осуждать! Эзра — отличная партия. Он забудет это недоразумение и простит твою дерзость. А ты взамен простишь его.

— Не смей решать за меня! — голос дрогнул от слез. — Если я и выйду замуж, то только по любви.

Развернувшись, я взбежала в свои покои и громко хлопнула дверью. Оказавшись в безопасности, я медленно осела на пол у камина. Слезы душили меня. Всё это — смерти на улицах, маски, ложь и предательство брата — давило на плечи непосильной ношей.

Четвертая глава

Не знаю, сколько я так просидела, но дождь на улице наконец стих. Под окном раздался голос брата. Поднявшись, я быстро подошла к стеклу, чтобы посмотреть, что происходит. Окна моей спальни выходят прямо на выезд из поместья — большие железные ворота были распахнуты, хотя я точно помнила, как Джем закрывал их на ночь.

Джем держал под уздцы вороного коня, а из парадных дверей вышел Вильям. Вскочив в седло, он бросил на меня мрачный взгляд. Он знал, что я стою у окна — я всегда провожала его. Ударив коня по бокам, брат пустил его во всю прыть, быстро растворившись в ночной тиши.

Глубоко выдохнув, я позвала Клару. Распорядившись насчет ужина, я принялась переодеваться. Платье заслуживало хорошей чистки: подол промок и был безнадежно испачкан грязью.

Как обычно, поужинав в полном одиночестве, я побрела обратно в свои покои. За столько времени я уже привыкла, что большинство вечеров провожу одна в этом огромном особняке. Мои шаги гулко раздавались по пустому дому; в такой тишине мне казалось, что я слышу биение собственного сердца.

Проходя мимо зала для больших приемов, я заметила приоткрытую дверь. Свет от канделябра в моей руке проник

внутри, выхватывая из темноты позолоту рам. Как же давно я сюда не заходила... Я была уверена, что этот зал заперт, как и многие другие комнаты. Войдя, я снова не смогла сдержать восхищения маминым вкусом. На стенах висели подлинники — гордость её коллекции. Матушка безгранично любила искусство, музыку и литературу, и именно от неё мне досталась страсть к книгам.

На первом полотне кисти великого Рубенса был изображен «Святой Георгий и дракон». Если мне не изменяет память, картина была написана в 1606 году. Проходя дальше, я встречалась взглядом с образами Веласкеса и Аннибале Карраччи. Я хорошо помнила, как мама могла часами рассказывать о мастерах своей молодости.

Над большим камином, который не зажигался с прошлого Рождества, висел её парадный портрет. Его писал сам Ян Вермеер — знаменитый голландец. Подставив стул, я забралась повыше, чтобы рассмотреть полотно. От своего канделябра я зажгла еще несколько свечей, стоявших на каминной полке.

С холста на меня смотрели холодные, ныне мертвые глаза мамы. Я провела рукой по шершавой поверхности — краска местами потускнела. Глядя на неё, я в очередной раз убедилась, как сильно мы похожи: те же рыжие кудри, изумрудные глаза и даже крохотная родинка под нижней губой.

— Я так скучаю по тебе, мамочка... «Вот бы хоть на миг услышать твой голос», — прошептала я. По щеке скатилась

слезинка.

Нет, я не стану сегодня больше плакать. Тяжелые воспоминания тяготят душу, поэтому, потушив свечи и плотно прикрыв дверь зала, я ушла к себе.

Мои покои — самые светлые в особняке благодаря четырем высоким окнам. Большая кровать из красного дерева идеально вписывалась в интерьер. Резной туалетный столик с овальным французским зеркалом был заставлен свечами и флаконами. Помимо женских аксессуаров, служанка Шарлота каждый день приносила мне свежие цветы и вазу с фруктами. Возле окна, выходящего в сад, стоял столик, заваленный газетами и брошюрами — Шарлота знала, что мой день не может начаться без новостей, хотя сейчас почти каждая страница кричала лишь о количестве жертв эпидемии.

Полгода назад я велела переделать восточное окно: для меня устроили нишу с мягким сидением. Теперь я могла часами сидеть там с книгой, наблюдая, как природа медленно сменяет сезоны.

Книжные полки буквально ломились от томов — от рыцарских романов до поэзии. Здесь соседствовали сборники Джеффри Чосера и Уильяма Шекспира. Выбрав любимую поэму Шекспира «Жалоба влюбленной», я легла в постель, на прохладные хлопковые простыни, привезенные отцом из далекой Персии.

Портьеры на окнах задвинуты наглухо, только свет свечей падает на книгу, которая зачитана уже до дыр. Я начинаю

монотонно читать вслух, зная, что кроме стен меня никто не услышит. Как, впрочем, и всегда.

— «С высот холма смотрел я в мирный дол, откуда эхо с чьей-то скорбью дальней В одно сливалось. Я на стон пошел И вот — увидел девы лик печальный: Она ломала перстень обручальный, рвала письмо на части за письмом И бурей сле...»

Громкий звон бьющегося стекла оборвал меня на полуслове. Откинув книгу, я выскальзываю из постели. Приоткрыв дверь, начинаю прислушиваться. Снизу доносятся мужские голоса и тяжелые шаги по натертому паркету.

«Мародеры», — пронеслось в мозгу. Видимо, они знали, что Вильям уехал. Страшно представить, что будет, если они меня найдут. Я потихоньку возвращаюсь в комнату. Над камином висит отцовский мушкет и английский корзинчатый меч. Мой выбор пал на мушкет: махать мечом я не умею, а стрелять... что ж, стрелять я тоже не умею, но это внушительнее, чем просто железная палка. Отец когда-то учил меня заряжать его, но я ни разу не спускала курок. Как глупо было не настоять на уроках стрельбы!

Засыпав зернистый порох и загнав пулю, я взвожу курок. По звукам снизу легко определить, что негодяи пошли в кабинет отца — он расположен прямо под моей спальней. Одеваться времени нет. Я уже слышу одинокие шаги на лестнице. На мне лишь длинная ночная сорочка, почти достающая до пят. Накинув шелковый халат, я хватаю мушкет. Кто-то

рыщет в комнате Финна по соседству. Там нечем поживиться, но это дает мне секунды форы.

Потушив свечи, я на цыпочках выскальзываю из покоев. Ступая босыми ногами по холодному полу, я аккуратно отдаляюсь от жилого крыла и прячусь в тени одной из колонн. Мужчин внизу как минимум четверо: они громко хохочут, переворачивая мебель в поисках добычи. Я молю Господа, чтобы слуги успели спрятаться.

Засмотревшись вниз, я совсем забыла про пятого, который уже зашел в мою комнату. Через минуту он выходит — почему-то с пустыми руками. Он весь в черном, лицо обмотано плотной материей, а глубокая шляпа скрывает глаза.

— Эй, смотрите, там девица! — громовой бас снизу вырывает меня из оцепенения.

Я срываюсь с места. Тот, что был наверху, командует сообщникам оставаться на местах, а сам бросается за мной. Тяжелые шаги эхом отдаются в ушах, от страха кровь стынет в жилах. Я бегу, не разбирая дороги, и попадаю в тупик. Я слишком долго не была в этой части поместья и забыла, что здесь только наглухо закрытые двери карантинного крыла. Ни окон, ни выхода.

Шаги приближаются. Придется стрелять.

— Господи, прости! — шепчу я, выставляя тяжелое ружье перед собой.

Тишину прерывает скрип половицы. Моя рука дрогнула, и прогремел выстрел. Отдача оказалась такой сильной, что

от боли я роняю мушкет — он со звоном улетает в темноту. Едкий дым щиплет глаза и щекочет горло. Я начинаю кашлять, пытаюсь разогнать завесу рукой, как вдруг...

Тонкие пальцы зажимают мне рот, буквально впечатывая в стену. Мародер так близко, что его горячее дыхание обжигает шею. Ноги стали ватными. Мозг твердит одно: «Это конец».

С другого конца коридора донеслись голоса: — Роб, ты цел? Мы слышали выстрел! — Да! Ждите меня у коней! — этот голос... Откуда мне знаком этот чертов голос?

Когда шаги сообщников стихли, мужчина хватает меня за руку и тащит на свет. Я упираюсь, но он резко дергает меня на себя.

— Иди молча, если хочешь жить!

Этот вор заталкивает меня в покои Вильяма. Повсюду горят свечи, вещи разбросаны в беспорядке. Плечо жутко саднит после отдачи — наверняка останется огромный синяк. Отскочив к окну, я лихорадочно ищу хоть какое-то оружие, но под рукой пусто.

— Зачем хвататься за ружье, если не умеешь стрелять? А если бы ты в меня попала? — неожиданно произносит этот тип. Он стоит у двери, подпирая её плечом. Я же думаю лишь о том, как прозаично будет умереть в спальне брата, униженной и обесчещенной.

— Ты не ответила! — не отстает мерзавец.

— Я не обязана говорить с таким, как ты. Грязный вор,

убийца... Делай то, зачем пришел, — мой пыл угасает, сердце колотится о ребра.

— Чтоб ты знала: я не убийца и уж тем более не насильник. Я делаю то, что считаю правильным.

— По-твоему, грабить — это правильно?! — я срываюсь. Первое, что попадаетея под руку — пустая ваза. Я запускаю её в голову этого мужлана, но он с легкостью уворачивается. Ваза вдребезги разлетается о дверь. — Мерзавец!

Я хватаю со стола книгу, швыряю в него, осыпая проклятиями. Он подходит ближе, я пытаюсь проскочить к двери, но крепкие руки обхватывают меня за талию. Я кричу и брыкаюсь, пока он не валит меня на медвежью шкуру у камина. Он наваливается всем телом, прижимая меня к полу.

— Господь покарает тебя!

Его ладонь зажимает мне рот, а голубые глаза прожигают насквозь. И тут приходит озарение. Этот взгляд... этот проклятый голос.

— Ты такая милая, когда молчишь. Но до жути глупая. Я не причиню тебе вреда. Все вырученные деньги я отдаю беднякам. Я даю им надежду.

Его пальцы крепко держат мои запястья над головой.

— Мне жаль, что всё так вышло, милая Амелия. Хотел бы я познакомиться при других обстоятельствах.

Мой взор падает на его шею — там повязана моя розовая лента. Вот оно, доказательство. Теперь всё встало на свои места. Он замечает мой взгляд, и выражение его глаз стран-

но меняется. Медленно он убирает ладонь от моего лица и стягивает черную маску.

— У тебя нет чести, — произношу я медленно, чтобы слова отпечатались в его памяти.

— Если бы я знал заранее, чей это дом, я бы ни за что не пришел сюда. А что касается чести... будь на моем месте другой, ты была бы уже мертва.

Внизу послышался шум — Вильям вернулся раньше времени. Роб медленно наклоняется и оставляет влажный поцелуй на моем лбу. Я замираю, боясь вздохнуть. Его рука скользит по моей шее, пальцы опускаются ниже и... сдергивают сапфировую подвеску.

— Отдам при следующей встрече!

Крики брата слышны уже на втором этаже, он зовет меня по имени. Вор вскакивает, бросается к окну.

— До встречи, прекрасная Амелия!

Он перемахивает через подоконник и растворяется в непроглядной тьме. Последнее, что я слышу — стук копыт одинокого всадника. Дверь спальни распаивается, врывается Вильям. Увидев меня на полу, он бросается ко мне, прижимая к груди.

— Господи Иисусе, ты жива! Ты цела? Они тебя не тронули? — от него жутко несет алкоголем, от резкого запаха щиплет глаза.

— Нет, — коротко отвечаю я.

Впервые в жизни мне нечего сказать. Во мне перемеша-

лось всё: страх, смущение, ярость и какое-то новое, непонятное чувство, которое я не в силах осознать.

Пятая глава

Вильям помогает мне встать и провожает в комнату. Пока брат сидит у камина, закидывая в огонь сухие поленья, я не свожу с него взгляда. Меня мучит множество вопросов. Почему он вернулся? Куда он уезжает каждый вечер? Есть ли у него дама сердца? Но, зная Вильяма, я понимала: он ничего мне не расскажет. У него слишком много тайн, которые он хранит глубоко в сердце. Я не могла вспомнить, когда в последний раз видела его с девушкой. Раньше мне приходилось подслушивать его разговоры с Финном — старший брат учил его, как правильно вести себя с дамами. Но это было будто сто лет назад.

Однако на один вопрос он ответить обязан. Подтянув одеяло к подбородку, я решаюсь заговорить.

— Ответь, почему ты вернулся так рано? Обычно ты приезжаешь под рассвет.

Вильям молчит, будто нарочно заставляя меня злиться. В камине затрещал огонь, язычки пламени лизали сухую древесину, оставляя на ней черные поцелуи.

— Сложно ответить? — надавила я.

— Любишь ты всё усложнять, — он наконец поднял голову. — Не знаю. Было какое-то жальщее чувство. Оно не покидало меня весь вечер.

— То есть ты хочешь сказать, что предчувствовал опас-

ность, но всё равно бросил меня здесь одну?

Вильям резко вскочил, его глаза метали молнии.

— Что ты хочешь услышать? Что мне жаль? Да, мне жаль, Амелия! Я сожалею, что уехал, даже чувствуя беду!

Я знала, что он так скажет, но не думала, что это будет так больно. Вильям тяжело выдохнул, закрывая глаза. Он сорвался — из-за выпитого спиртного он совершенно потерял контроль над собой.

— Уходи... — это всё, что я смогла из себя выдавить. Глаза жгло от слез, а ведь я обещала себе не плакать.

— Амелия... Это не то, что я хотел сказать. Прости. — Оставь меня одну, — тихо произнесла я, кутаясь в теплое одеяло.

Вильям еще какое-то время постоял в спальне, но в конце концов ушел. Я долго не могла уснуть. Слова брата, сказанные сгоряча, будто прожигали изнутри. Но как бы ни было больно, я смертельно устала. События этой ночи оставили на мне незримый след. Я больше не буду такой легкомысленной. Мне нужно научиться стрелять, фехтовать... Я больше не хочу быть легкой добычей.

Сон наконец овладел мной, и мне приснился он. Мы снова в спальне Вильяма. Он прижимает меня к медвежьему меху, который приятно щекочет обнаженную шею. Его тонкие пальцы нежно гладят меня по щеке, а другую руку он запускает в мои рыжие кудри. Я провожу ладонью по его черным волосам, притягивая к себе. Наши губы так близко, я так

страстно желаю этого... — Поцелуй меня... — шепчу я. Он закрывает глаза, чтобы исполнить мое желание, его горячее дыхание обожгло мои губы и...

Глухой стук в дверь заставляет меня вздрогнуть. Я с трудом разлепляю глаза и сажусь в кровати. Сонное наваждение не хочет уходить — закрывая глаза, я всё еще вижу ту сцену.

— Войди! — сонным голосом отзываюсь я. Входит Шарлота.

— Меледи, мне велено передать: внизу вас ожидает констебль.

Я закатываю глаза и падаю обратно на пуховые подушки.

— Хорошо. Подай мне пурпурное платье.

— Да, меледи.

Пока служанка суетится в гардеробной, я иду в умывальню. Нужно немедленно умыться холодной водой, чтобы этот ужасный сон рассеялся. Как мне вообще могло такое присниться? Это так непристойно... Завершив туалет, я возвращаюсь в спальню. Платье уже ждет меня на заправленной постели. Шарлота помогает затянуть корсет и разгладить непослушные рукава. Сев за туалетный столик, я наблюдаю в зеркале, как грациозно она расчесывает мои волосы золотым гребнем.

— Ты что-нибудь слышала ночью? — сощутив глаза, смотрю я на девушку. Ее карие глаза беспокойно забегали.

— Нет, меледи. Что-то случилось?

— Нет. Сегодня не делай высокую прическу. Собери толь-

ко передние пряди, пусть остальное рассыпается по спине.

Девушка выполняет указание и приносит шкатулку с украшениями.

— Я не нашла вашей сапфировой подвески... Моя рука машинально тянется к голой шее. Черт, я и забыла, что этот тип украл мою любимую вещь.

— Сообщи брату и констеблю, что я спущусь через мину-ту.

Шарлота кивает, оставляя меня одну. Мне совсем не хочется выходить, хочется, чтобы этот день принадлежал только мне. Но, выбрав изумрудные серьги, я всё же решаюсь спуститься. В парадной меня ждут мужчины.

— Меледи! — констебль снимает шляпу и целует тыльную сторону моей ладони. Я бросаю взгляд на брата. Его одежда помята, под глазами залегли глубокие тени — видимо, ночью он так и не сомкнул глаз.

— Амелия, это констебль Роберт Пиль, — говорит Вильям. — Я вызвал его, чтобы ты могла дать показания. Ведь я не видел грабителей.

— Видел, — отрезаю я, и брат смотрит на меня широко распахнутыми глазами. — Это был тот мужчина, который заступился за меня вчера на улице.

— Чертов мерзавец! — Вильям багровеет. — Тогда мы справимся и без твоей помощи, можешь идти.

Я киваю, направляясь к гостиной, но у самых дверей останавливаюсь, слегка повернув голову:

— Я слышала его имя. Роб. Надеюсь, это поможет.

Я не знала, о чем они говорили дальше. Этот Роб заслужил наказания, и неважно, насколько благородны его цели. Позже мы провожаем констебля к его коню. Роберт как-то странно смотрит на меня — от его пронизательных зеленых глаз становится не по себе. Будто он знает все мои сокровенные тайны.

— Я непременно поймаю его! Он будет наказан по всей строгости закона, обещаю вам! — Пиль вскакивает на белого коня и уносится прочь.

Тяжело выдохнув, я возвращаюсь в дом и у больших кустов красных роз замечаю чумазого мальчишку лет двенадцати.

— Привет, — спокойно говорю я, подходя к нему. — Не бойся, иди сюда. На нем старая застиранная одежда, башмаки совсем прохудились. Он истощен. Вильям молча наблюдает за нами, скрестив руки на груди.

— Ты заблудился?

— Нет. Я принес письмо от архиепископа Этельберта Кентерберийского для Амелии Рассел, — с трудом выговаривает он.

— Я и есть Амелия.

Мальчишка вытаскивает листок с церковной печатью.

— Тогда это вам, меледи! Он уже собирается уйти, но я не могу его отпустить.

— Постой! Как тебя зовут? Где твои родители? Мальчуган

опускает голову, копна невымытых каштановых волос падает на лицо.

— Гарри... Гарри Шерман. Мои родители и сестричка умерли в прошлом месяце. Мое сердце сжалось от боли. Я посмотрела на брата и положила руку ему на плечо.

— Послушай, Гарри. Если хочешь, ты можешь жить с нами. У тебя будет теплая постель и горячая еда.

— Но, меледи, я не хочу вас стеснять... — Какое воспитание, замечаю я про себя.

— Мы с братом хотим, чтобы ты остался. Если ты сам этого хочешь. Вильям подходит ближе. Я молю Бога, чтобы он не прогнал ребенка.

— Да, сестра права, — неожиданно произносит он. — Если тебе негде жить, оставайся. «Конечно, сейчас ты готов на всё, лишь бы я тебя простила», — думаю я.

— Я могу помогать по хозяйству! — задорно говорит Гарри.

Когда Вильям распорядился отмыть и накормить мальчика, я вернулась в свои покои. Письмо в руке неприятно обжигает кожу. Сев за стол, я разворачиваю его. Это точно почерк Этельберта.

«Достопочтенная Амелия, спешу сообщить вам трагическую новость. Сегодня ночью в трущобах Уайтченеля найдено тело одного из наших чумных врачей — Джаспера Веста. Его обнаружил ночной дозор солдата из подчинения констебля Роберта Пиля. Прошу вас незамедлительно при-

быть на совет в церковь Сент-Джайлса».

У меня дрожат руки, на глаза наворачиваются слезы. Вот до чего доводит людское отчаяние... Отложив письмо, я выбегаю в холл.

— Шарлота! Вели Джему оседлать моего коня и подай дорожный плащ!

Я влетаю в спальню, лихорадочно ища перчатки. От грубых поводьев мои ладони часто кровоточат, а мне сейчас нужно быть сильной. Смерть Джаспера — это только начало.

Шестая глава

Небо снова затянуло черными тучами. Скорее всего, по дороге я попаду под сильный ливень. В спальню бесцеремонно врывается Вильям — он злее обычного.

— Позволь спросить, куда это ты собралась?

— Этельберт прислал дурную вестъ. Один из наших врачей был жестоко убит в Уайтчепеле сегодня ночью. Он собирает срочный совет, я обязана там быть.

Брат загораживает собой дверь, нервно потирая виски.

— Ты точно сошла с ума, Амелия. Ты еще не оправилась после нападения и уже сломя голову бросаешься в дела, которые принесут одни неприятности. Я не разрешаю тебе покидать дом.

— Если ты еще не понял, мне не требуется твое разрешение. Так что не стой на моем пути.

Готова поклясться: не будь я женщиной, и уж тем более его сестрой, он бы незамедлительно ударил меня. Вильям сжимает челюсть так сильно, что я вижу, как заострились его скулы. Но всё же брат отходит, чтобы пропустить меня.

Более не задерживаясь, я сбегая по лестнице, на ходу набрасывая серый плотный плащ. У ворот меня уже ждет Джем, держа Цезаря за узду. Это белоснежный скакун — подарок тетушки Генриетты. Джем помогает мне сесть в седло.

— С Богом, меледи! Господь защитит вас!

— Аминь!

Джем хлопает коня по боку, возмущенный жеребец издает гортанный звук и срывается с места. Я проезжаю через весь Лондон. Опасаясь толпы, поворачиваю на Португал-стрит — эта улица ведет к порту. Выбора нет: если сверну на Пикадилли, попаду в самый разгар ярмарки. Это место — рассадник чумы, все это знают, но только там еще можно купить продукты. Риски велики. Проезжая мимо резиденции констебля, я натыкаюсь на солдат, которые преграждают мне путь.

— В чем дело, господа? Я спешу.

— Эта дорога закрыта, меледи, прошу прощения. Вам придется выбрать другой путь. Цезарь подо мной нервно топчет грязь.

— Мне нужно как можно быстрее попасть в церковь Сент-Джайлс!

— Простите, дорога закрыта. Брейд-стрит полностью под карантином. Там слишком много тел, меледи. Единственный чистый путь отсюда до церкви — через Флин-стрит.

— Проклятье! — бурчу я себе под нос. Делать нечего, придется ехать через Флин-стрит — один из самых опасных районов Лондона. Неважно, проезжаешь ты там днем или ночью: тебя могут ограбить или, что хуже, убить, и никто не придет на помощь. Тяжело выдохнув, я разворачиваю коня.

Улицы этого района практически безлюдны. Ударив коня по бокам, я перевожу его с рыси на галоп. Мне нужно как

можно быстрее миновать это жуткое место. От страха немеют пальцы. Первые ледяные капли падают на мостовую, и вскоре дождь уже льет как из ведра. Цезарь скачет без остановки, вдали я вижу священные шпили церкви. Наклонившись к уху верного друга, я кричу — из-за бешеного ветра мой голос тонет в стихии:

— Давай, милый, поднажми! Мы почти на месте!

Будто поняв мои слова, белый жеребец мчится к зданию собора во весь опор. Дождь застилает глаза. Прижавшись к теплой шее лошади, я доверяю ей свою жизнь. Завидев меня на мосту, из церкви выбегает прихожанин. Он помогает мне слезть и уводит коня в укрытие. Подхватив подол платья, я вхожу в священный приход.

Людей немного — от силы человек десять. Епископ зачитывает строки из Книги Царств: *«...и была рука Господня на городе — ужас весьма великий, и поразили Господь жители города от малого до большого, и показались на них наросты»*.

Я слушаю его речь как замороженная, пока теплая ладонь Франчески не приводит меня в чувство.

— Вы как раз вовремя, меледи. Ваш наряд уже готов, совет начнется через пять минут. Нам нужно поторопиться. Я киваю, позволяя отвести меня в комнаты для переодевания. Даже совет не должен знать, кто прячется под маской. Франческа помогает мне облачиться: мое одеяние ослепительно белого цвета, каждый миллиметр ткани покрыт вос-

ком и пропитан ладаном. Волосы я прячу под специальный платок. Монахиня закрепляет небольшой двуручный меч у меня на поясе.

— Вся церковь стоит на ушах, — тихим голосом произносит она.

— Продолжай, — я жду, пока она зашнурует корсет.

— Тело доставили на рассвете... изуродованное, со множеством порезов. Страшно представить, какие муки он испытывал перед смертью.

Я молчу. Франческа завязывает клювастую маску и надевает шляпу с ровными краями. От маски исходит густой запах трав и ладана. Теперь я готова. Глубоко вдохнув, я выхожу. Ни один сантиметр моей кожи не виден, кожаные перчатки плотно облегают пальцы.

Совет проходит на втором этаже. Я иду по старому скрипучему полу, мои шаги гулко отражаются от голых стен. Две монахини открывают передо мной тяжелые двери. Перед главной палатой стоят мои братья — их восемь, и все они в черном. Кажется, в комнате собралась стая воронов. Так нас и называют: «Черные вороны». Каждый снимает передо мной шляпу, я киваю в ответ. Ко мне подходит самый старший из нас:

— Я слышал о нападении в Ковент-Гардене. Вы не пострадали? — Господь не позволил свершиться злодеянию.

Нас приглашают войти. Так как я единственная женщина, да еще и в белом, меня пропускают вперед. Я иду первой,

словно предводитель. Голоса в зале тут же смолкают. Члены совета встают со скамей, пока мы шествуем по рядам. Я замечаю, как мужчины прикрывают рты и крестятся. Для них мы — вестники и спасители.

Архиепископ Этельберт благословляет каждого. Я стою в центре черной шеренги — как луч надежды. Я оглядываю присутствующих сквозь стеклянные глазницы маски. Здесь обе палаты парламента: «Тори» во главе с Джоном Грантом и «Виги», возглавляемые мэром Лоуренсом.

— Я собрал вас не просто так, — голос Этельберта звучит сурово. — Наш брат, Джаспер Вест, был жестоко убит. Я прошу вас, уважаемые члены совета, и вас, констебль Роберт Пиль, помочь найти убийцу. Только сейчас я замечаю Пилия в самом темном углу комнаты. Толпа начинает бурно обсуждать новость. Мы стоим молча. Мне искренне жаль Джаспера, он был хорошим отцом. Но я не до конца понимаю, зачем здесь мы. Один из врачей наклоняется ко мне:

— Я так понимаю, вы тоже не в восторге от этой встречи? Я киваю.

Совет перешел на повышенные тона. Одна сторона требует возмездия, другая кричит, что сейчас не до мертвого врача — улицы Брейд-стрит завалены телами. Один из «Тори» поднялся:

— Это ужасная утрата, но у нас нет времени! Чума распространяется, люди умирают на дорогах. Пусть этим занимается констебль. Роберт Пиль выходит на свет:

— У меня не хватает людей. Мои подчиненные роют ямы и хоронят мертвецов, борются с мародерами. Вчера пятеро проникли в богатое поместье в Ковент-Гардене! Толпа ахнула. На ноги поднялся Эзра — я и не заметила его раньше.

— А леди Рассел? Она не пострадала? — в его голосе слышен явный страх.

— К счастью, нет, — ответил Пиль. — Мистер Рассел вовремя вернулся.

Обсуждение превратилось в хаос. Наконец один из «Виггов» предложил:

— Пусть врачи сами возьмут это под контроль. Почему молчит Леди Смерть? Старик обратился прямо ко мне. Этельберт посмотрел на меня в ожидании. В перчатках вспотели ладони, но я сделала шаг вперед. Маска исказила мой голос, скрыв дрожь.

— Господа, мы добровольно выходим на улицы сражаться с невидимым врагом, пока вы прячетесь в своих домах, как крысы в норах! Мы — не закон, мы граждане, которых *вы* клялись защищать...

— Женщине нельзя давать право слова! — закричал кто-то. Тяжелая рука старшего «ворона» легла мне на плечо.

— Я согласен с Леди Смерть, — басом произнес он. — Знайте: как мы надели эти маски, так можем их и снять. И что тогда станет с городом?

— Что вы предлагаете? — спросил Пиль.

— Вы возглавите поимку, а мы поможем собрать инфор-

мацию, — ответила я, выхватывая меч и поднимая его острием вверх. — Но это первый и последний раз, когда врачи помогают закону. За моей спиной вскинулись восемь черных мечей.

Когда представители палат разошлись, Этельберт подошел ко мне.

— Горжусь тобой, Амелия, — прошептал он. — Назвать их крысами — это было смело. Он знает меня с детства. Для него я — как внучка. Мы потратили еще час на разработку плана. Мне выпал ночной патруль в Уайтчепеле. Роберт Пиль вызвался сопровождать меня лично. Патруль начнет на закате. Что ж, выбора нет — я сама подтолкнула их к этому.

Седьмая глава

Мне бы попасть домой... Даже днем не следует забредать в трущобы Уайтчепеля, а уж после заката и подавно. Следовало бы предупредить Вильяма, хотя я до сих пор на него обижена.

Погода стоит неплохая: солнышко припекает, и в этой проклятой маске становится совершенно нечем дышать. Если так продолжится, я просто свалюсь с коня. Ехать домой слишком далеко, да и на мне одежда чумного доктора — как я объясню свое появление в таком виде? Пугать Гарри совсем не хочется. Чтобы избежать лишних вопросов и тяжелого разговора с братом, я направляю Цезаря к поместью Ланкашир.

Там живет моя тетка Генриетта и ее двадцать биглей. Обычно вдовы ее возраста заводят тысячу котов, но не моя тетя. Слава богу, у меня хватило духу когда-то всё ей рассказать. Иначе охрана ни за что не пустила бы «вестника смерти» на территорию Ланкашира. Бывали случаи, когда богатые намеренно скрывали, что в их поместьях появилась чума. Буквально через неделю такие дома наглухо забивались досками, а хозяева покоились в земле.

Я нахожу тетушку в саду. Она сидит в кресле-качалке у искусственного пруда, а вокруг задорно носятся собаки. Генриетта — родная сестра моего отца. Помню, как он часто

пугал нас в детстве: говорил, что если мы не будем учиться, то на нас не взглянет ни один уважающий себя мужчина, и мы станем как тетка — одинокими старыми девами. Но на самом деле Генриетта просто была слишком избалована и свободолюбива. Она считала, что ни один мужчина, будь он англичанин или француз, просто-напросто недостоин называться ее мужем. Говорили, сам король Франции намеревался взять ее в жены, но и ему она с легкостью отказала. Правда это или нет — я ни у кого не спрашивала.

Только здесь, в ее поместье, я могу свободно снять с себя эту чудовищную маску. Мои волосы, словно языки пламени, растеклись по белому плащу. Собаки, заметив мое приближение, звонко залаяли и, сбившись в кучку, бросились приветствовать меня. Увидев племянницу, тетушка отложила пяльцы. В ее некогда черных волосах теперь густо блестела седина, а лицо покрылось глубокими морщинами, но карие глаза светились радостью.

— Моя любимая Амелия! Какая радость видеть тебя, — женщина тепло обняла меня. От нее пахнет ванилью и немного — старостью. — Что привело тебя в Ланкашир, дорогая? Надеюсь, Вильям, наш злюка, в добром здравии?

— С ним всё хорошо, тетушка. За кружкой ромашкового чая я вкратце пересказала события дня, конечно же, опустив момент с нападением мародеров. Не хочу ее волновать. Тетя лишь хмурилась и ахала.

— Ох, Амелия, боюсь я за тебя. Я изначально говорила: не

женское это занятие, а ловить убийцу — тем более... Ох, что бы сказала твоя бедная матушка, упокой Господь ее душу.

— Она мертва, а значит, ничего не сможет сказать, — медленно отпивая чай, произнесла я безучастным тоном.

— Дитя, что с тобой сделала эта чума... Ты совсем охладела сердцем.

— Будто у меня был выбор, — фыркнула я. Тетя взяла меня за руку.

— Был, милая. Выйти замуж и покинуть этот проклятый, прогнивший город.

— Совет неплох, тетя. Почему же ты сама им не воспользовалась?

Генриетта залилась звонким смехом.

— Ты, как всегда, за словом в карман не лезешь! Ну что ж, до ночи можешь побыть у меня. Я отправлю гонца к твоему брату. Но с одним условием: через неделю у меня состоится благотворительный бал. Ты обязана на нем появиться.

— Разве тебе можно отказать? — я натянуто улыбнулась. Даже в такие ужасные дни тетюшка не забывает о манерах и блестящих приемах с танцами и фуршетом.

Для меня приготовили гостевую спальню. Наконец-то выбравшись из тяжелой амуниции, я первым делом залезла в горячую ванну, а после — в облако пуховых перин и розового шелка. Служанки принесли легкое летнее платье из атласа персикового цвета. Кровать в Ланкашире поражала размером: резной дуб, балдахин с вышитыми ангелочками, по-

душки с ручной вышивкой...

Обняв подушку, набитую лебединым пухом, я потихоньку засыпала. Перед глазами всплывали мамины рассказы о том, как раньше благородные леди ложились спать во время приемов на дневной сон, пока мужчины пили бренди и курили трубки. Мама говорила: «Леди не положено быть уставшей до конца бала, и неприлично вести беседы на мужские темы». Глупости. Времена меняются: женщины теперь познают науки, музыку и даже пишут книги.

Генриетта разбудила меня за час до заката. Оказалось, я проспала весь остаток дня — не представляла, насколько была истощена. Кое-как выбравшись из постели, я снова начала надевать свою «броню». В гостиной уже накрыли стол.

— Тебе нужно поесть, — настаивала тетя. — Ночь будет холодной, как бы ты не заболела в этой жуткой одежде. Ты сильно похудела, Амелия. Совсем перестала беречь себя.

Я ничего не ответила. Мой взор был устремлен на горизонт. Солнце почти село, окрашивая небо в тревожные тона. Пора выдвигаться.

Восьмая глава

У ворот Ланкашира меня уже ждал Цезарь. Конь чувствовал мое напряжение и нервно прядал ушами, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Тетушка Генриетта стояла на крыльце, кутаясь в шаль, и крестила меня вслед, пока я не скрылась за поворотом. Как только копыта Цезаря коснулись мостовой Уайтчепеля, мир изменился. Здесь не пахло ванилью и розами. Воздух был густым, тяжелым от запаха гнили, нечистот и гари. Туман, выползающий из Темзы, окутывал дома, превращая их в уродливые тени.

Условленное место встречи — перекресток у «Слепого нищего». Издалека я заметила три фигуры на лошадях. Двое «воронов» в черных плащах и он — Роберт Пиль. Констебль сидел в седле прямо, как по струнке, его темный силуэт казался частью этой мрачной ночи.

— Вы вовремя, меледи, — голос Пилия прозвучал сухо, но в нем слышалась скрытая тревога.

— Я не привыкла заставлять закон ждать, — ответила я, стараясь, чтобы маска не слишком сильно искажала голос.

Мы развернули коней в сторону Уайтчепеля. Четыре всадника въехали в трущобы города. Даже сквозь маску я чувствовала отвратный запах этих улиц. Здесь живет весь сброд Лондона; из-за нищеты многим женщинам приходится торговать собой. Пьяные бродяги бродили повсюду, справляя

нужду прямо на глазах у прохожих. Меня мутило. Констебль ехал впереди, двое «воронов» — позади, словно охраняя меня.

Цезарь упрямился, не желая идти вперед, и мне приходилось подгонять его. Свой меч я крепко сжимала правой рукой — нервы были на пределе. Мы выехали на более оживленную улицу, где сновали люди с замотанными лицами и связками чеснока на шеях. Народ волновался: не каждый день сюда заезжают чумные доктора под охраной констебля. Из пабов доносился хохот распутных женщин и крики.

Здесьние дома были построены еще в эпоху Людовика XIV. Необычное соединение классицизма и барокко: одни из белого камня, другие — из обычного дерева. Улицы здесь настолько узкие, что на них едва поместится один экипаж. Повсюду грязь и смрад. Констебль резко осадил коня.

— В чем дело? — недовольно спросила я.

— Господа, вы продолжите патрулировать улицы, — уверенно произнес Роберт, обращаясь к врачам. — А вы, меледи, поедете со мной.

От его заявления по коже побежали мурашки.

— Потрудитесь объяснить, констебль.

— Тело нашел мой солдат. Он доложил, что видел свидетеля из работного дома мадам Айрис Нэш. Туда мы и направимся. Если, конечно, вы не боитесь, Леди Смерть!

Вместо ответа я пришпорила коня. Этот напыщенный индеек думает напугать меня? Не выйдет. Я так замерзла, что

готова была убить за чашку чая, лишь бы это скорее закончилось.

Мы покинули пределы Лондона. Путь лежал к Шервудскому лесу, в Ноттингемшир — дисциплинированный дом мадам Нэш. Это мрачное место, окруженное каменной стеной и вооруженным караулом, для многих было страшнее тюрьмы. С тех пор как началась эпидемия, мадам Нэш дала здесь приют сиротам и старикам. Из леса доносился волчий вой — странно для лета.

Пиль поравнялся со мной, глядя без всякого приличия.

— Знаете, меледи, как только вы вступили в ряды врачей, я потерял покой и сон. Мне ужасно любопытно, кто скрывается под этой маской. Встречались ли мы раньше?! «Сегодня утром!» — подумала я, но промолчала.

У ворот нас встретил караул. Мадам Нэш, высокая женщина с жестким взглядом зеленых глаз, вышла к нам, кутаясь в шаль. Начиналась гроза. Роберт объяснил цель визита, но мадам Нэш лишь покачала головой:

— Я бы помогла, но свидетель — ребенок. Ему около двенадцати лет. Сегодня он ушел в приход и не вернулся. Боюсь, убийцы вашего доктора не оставили свидетеля в живых. Уж я-то знаю этих людей...

В моей голове набатом забило имя: «Гарри». Не помня себя, я развернула коня. Констебль схватил Цезаря за узду:

— Мы еще не закончили!

— Я не подчиняюсь вашим правилам, господин. Пиль! Я

служу Господу и церкви. Вы не вправе мной командовать!

Я рванула обратно к городу, и Роберт скакал следом. Мы почти достигли стен, когда за спиной раздались выстрелы. Из леса вылетели шестеро всадников в кроваво-красных мантиях. Это была засада.

— ГОНИ! — крикнул Роберт.

Лондон накрыло стеной ливня. Мой конь буквально влетел в Уайтчепель. Я слышала топот погони прямо за спиной. На площади громыхнул выстрел — и Цезарь, издав страшный хрип, встал на дыбы. Я не удержалась и с силой упала на мостовую. Воздух вышибло из легких, бок горел огнем. Мой верный конь лежал в грязной луже, его глаза остекленели. Эти нелюди убили его...

Я пыталась встать, ноги скользили в жиже. Трое мужчин прыгнули с лошадей. Я вытащила меч неповрежденной рукой. Самый высокий преследователь осклабился:

— Что за птичка попалась в сети... Добро пожаловать в мой район, Леди Смерть. Придется убить и тебя.

— Зачем? Что мы вам сделали? — мой голос дрожал.

— Лично ты — ничего. Но нам надоело, что вы суете нос не в свои дела. Бросай зубочистку!

Он выстрелил в воздух, и мои пальцы разжались сами собой — меч упал в грязь.

— Умница. А теперь посмотрим, кто прячется под этой одеждой... Взять ее!

Я сорвалась с места, надеясь на быструю пулю, лишь бы не

попасть к ним в руки. Бежала по темному переулку, но один из них сбил меня с ног. Грязная рука рванула маску и платок. Мои рыжие волосы тут же намокли и облепили шею. Бандит замер, будто узнав меня, но в этот миг прогремел выстрел. Он упал прямо на меня, наваливаясь всем телом. Его горячая кровь пропитала мою одежду.

Я отползла в сторону, прижимая ушибленную руку к груди. Другой всадник схватил меня за плащ, швыряя на землю, его руки рвали ворот моего платья...

— Нет, прошу вас!..

И тут вспышка молнии отразилась от чужого клинка. Незнакомец буквально снес мерзавца с меня.

— Сразись со мной, если в тебе есть хоть капля чести! — прозвучал голос спасителя.

Я прижалась к стене, наблюдая за схваткой. Искры летели от столкновения мечей. Незнакомец действовал молниеносно. Удар, выпад, подсечка... Блестящее лезвие пробило грудь всадника в красном насквозь. Тело с глухим стуком упало в грязь.

Мое сознание угасало. Я видела, как незнакомец вытирает клинок о куртку убитого и направляется ко мне.

— Вы в порядке? — спросил он. Голос был мелодичным и знакомым.

Я потеряла равновесие и упала прямо в его руки.

— Помогите... — едва выдохнула я. Он сдернул свою маску. В свете очередной молнии я увидела его глаза. Улыбка

сама собой появилась на моих губах.

— Амелия... — его голос предательски дрогнул. Его теплая рука коснулась моей щеки. Я закрыла глаза, и мой разум растворился в непроглядной тьме.

Девятая глава

Временами я прихожу в себя. Мое тело прижато к теплой груди, в которой бешено колотится сердце. Сильная рука крепко держит меня за талию, подо мной — спина коня, несущегося во весь опор. С трудом разлепив веки, я смотрю на своего спасителя. Хотя какой он теперь незнакомец...

Его сосредоточенное лицо обращено только вперед, но, почувствовав мой взгляд, мужчина опускает глаза. Он, настолько красив, что мне хочется запомнить каждую черту его лица; кто знает, может, это последнее, что я увижу. Риск заразиться чумой в трущобах слишком велик.

— Не смей умирать! — приказывает он грозным голосом, который надламывается на последнем слове.

— Куда ты меня везешь? — хрипло спрашиваю я. — Мне нельзя домой... тебя ищут. Если увидят, то... Я снова начинаю терять сознание.

— Амелия! Амелия! Проклятье... Давай, пошел, пошел!

Когда я снова прихожу в себя, вижу исписанные красками стены церкви. Мужчина бежит со мной на руках.

— Архиепископ Этельберт! — отчаянно кричит он. — Кто-нибудь, помогите! Мужчина оседает на пол вместе со мной, его пальцы настойчиво хлопают меня по щекам. Горячее дыхание обжигает оголенную кожу. В полузабытьи я слышу громкие шаги и голоса:

«Я спас ее...», «Это было нападение...», «Сообщите брату». Затем — жгучая боль в плече, мой крик, и я снова проваливаюсь в небытие.

Через какое-то время я отчетливо слышу голос Вильяма — он в ярости на кого-то кричит. Мне хочется его успокоить, сказать, что со мной всё в порядке, но я не могу даже шевельнуться. Каждая клеточка тела отдается болью.

Я не знаю, сколько проспала, но, когда окончательно прихожу в себя, сразу понимаю: я в комнате матери-настоятельницы. Твердая кровать пропахла ладаном, жесткие простыни неприятно колют кожу. В комнате горят всего пара свечей — значит, на улице ночь. Приоткрытое окно и запах сырости подтверждают мои догадки.

Слух возвращается последним. До моих ушей доносится мелодичный голос, читающий стихи Шекспира:

«Твой грех мне добродетели милей, Мой приговор — ресниц твоих движение. В твоей вражде понятно мне одно: Ты любишь зрячих, — я ослеп давно...»

Его теплая рука сжимает мою ладонь, а большим пальцем он мягко поглаживает кожу. Рукава его льняной сорочки закатаны до локтей, и на запястье я замечаю свою розовую ленту. Его пальцы нежные, словно шелк, и я чувствую, как мои щеки краснеют. В этом есть что-то интимное — то, что обычно скрывают влюбленные. Как я вообще могу рассуждать о любви, если не знаю этого чувства?

Его глаза отрываются от книги, словно он почувствовал

мой взгляд.

— Вы очнулись! Я сейчас же позову мать-настоятельницу, — мужчина хочет встать, но я, насколько хватает сил, сжимаю его ладонь. Он улыбается и возвращается на стул.

— Вы спасли мне жизнь. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь отплатить вам за эту милость, — хрипло произношу я. Он протягивает мне стакан воды.

— Любой бы поступил так же, окажись на моем месте.

— И все же не каждый осмелится вступить в бой с двумя преступниками. Хотя, если мне не изменяет память, вы не так далеко от них ушли, — его пухлые губы растягиваются в искренней улыбке. Но она гаснет так же быстро, как и появилась.

— Есть ли что-нибудь чудовищнее неблагодарности человека? — язвительно бросает он.

— Я благодарна. Но я не забыла, как вы проникли в мой дом под покровом ночи.

— Согласен, но ваша честь и состояние не пострадали от пропажи пары вещей, которые пошли на благое дело.

Я резко одергиваю руку.

— Моя честь — это моя жизнь, они растут из одного корня. Без чести моей жизни придет конец.

— Простите мне мою дерзость, Амелия. Я вовсе не хотел вас обидеть, — его ладонь снова касается моих пальцев, и я не сопротивляюсь. Мне даже нравятся эти прикосновения.

Я внимательно смотрю на него:

— Вы не находите это нечестным? Вы знаете мое имя, но я не знаю вашего. Я слышала, как вас называют ваши головорезы, но сомневаюсь, что это настоящее имя. Он медленно отпускает мою руку и облокачивается на спинку стула, обдумывая слова.

— Вы и вправду хотите знать мое имя, даже после такой истории? — он приподнимает бровь с небольшим бледным шрамом. Это звучит почти как вызов.

— Мне нужно как-то к вам обращаться. Или я могу звать вас «господин мародер»? Он начинает смеяться — тихим, бархатным смехом, который пробирает до костей.

— Определенно нет. Меня зовут Даниэль, если вам еще интересно.

Я сажусь, подтягивая одеяло к самому подбородку.

— Конечно. Но как вы здесь оказались? Что вы сказали моему брату, что он позволил вам сидеть у моей постели после моих обвинений? Даниэль пододвигает стул ближе.

— Вчера днем ко мне приехал Роберт Пиль с обвинениями. Естественно, я всё отрицал. Весь вечер и ночь я играл в карты с друзьями — и все шестеро дали одинаковые показания, обеспечив мне идеальное алиби. У констебля ничего на меня нет. Обвинения сняты.

Я хмурю брови

— Почему я не подумала, что всё закончится именно так?

— Какие еще вопросы вас мучают, мисс Рассел? Я готов ответить на всё.

— Что вы делали ночью в Уайтчепеле? Его глаза сужаются.

— Если я скажу, что просто гулял, вы мне поверите?

— Конечно нет. Никто в здравом уме не гуляет ночью по трущобам.

Нашу тишину прерывает громкий звук из коридора. Я вздрагиваю, Даниэль мгновенно вскакивает, опрокидывая стул. Звук повторяется — это выстрелы. Кто-то проник в собор. Забыв о боли, я выбираюсь из постели. Даниэль вытаскивает серебряный меч из-под кровати. Мой взгляд приковывает необычный набалдашник в виде черепа и надпись на лезвии: «*OMNIPOTENT*» — Всемогуший.

Я стою за его спиной в одной ночной сорочке, босые ноги начинают замерзать. Даниэль поворачивается, его глаза скользят по моему телу. Он подается вперед, и мне приходится поднять голову, чтобы видеть его лицо.

— Не отходи от меня ни на шаг! Я лишь киваю.

Десятая глава

Где-то в глубине церкви мы услышали отчаянный гортанный крик. Даниэль поднял с пола свой плащ и протянул его мне.

— Мой конь привязан у северной стены. Конечно, если вы не хотите остаться...

Я быстро натянула обувь на голые ноги, кутаясь в его широкий плащ. Он был мне велик, но зато в нем было по-настоящему тепло. Волосы пришлось спрятать под глубокий капюшон.

— А как же служители церкви? — только успела проговорить я, как по всему собору разнесся колокольный звон, предупреждающий об опасности.

— А вот и ответ на ваш вопрос. Примерно через три минуты сюда придут блюстители закона.

— Но... — Даниэль не дал мне договорить, приложив указательный палец к моим губам.

— Мой долг — доставить вас в безопасное место. Я не прошу себе, если позволю вам погибнуть.

Я сдержанно кивнула. Даниэль откуда-то достал позолоченный кинжал и протянул его мне. Его рукоять была полностью украшена огненно-красными рубинами.

— Это на всякий случай, — он снова подошел очень близко. — Спрячьте лицо, чутье подсказывает, что они пришли

по вашу душу.

— Что? — удивленно выдохнула я. — Но почему? Что я им сделала?

— Те, кто чуть не убил вас в Уайтчепеле... видимо, они выяснили, куда доставили раненую Леди Смерть.

— Но я не понимаю, зачем я им сдалась!

— Я всё вам объясню, но сначала нужно выбраться отсюда.

Выглянув за дверь, Даниэль осмотрел пустой коридор. Звуки стихли, но это не значило, что нападавшие ушли. Даниэль оборачивался, протягивая мне руку:

— Вы мне доверяете?

— Сама не верю в то, что говорю, но — да!

Он потянул меня в противоположную сторону от главного выхода. Мне пришлось полностью довериться ему, иначе живой из этой передраги было не выбраться. Мы двигались медленно, пока снова не услышали выстрелы. Они были совсем близко.

— Бегом! — скомандовал Даниэль. Бок болел так сильно, что из глаз вот-вот готовы были посыпаться искры. Но я молчала, стиснув зубы и следуя за этим мужчиной в неизвестность.

Спустившись вниз, мы миновали главный зал и молитвенные комнаты, двигаясь исключительно в тени колонн. Завернув за угол, я непроизвольно вскрикнула. Даниэль мгновенно зажал мне рот ладонью, утягивая обратно в тень. То, что я

увидела, навсегда отпечаталось в моей памяти. В нос ударил резкий металлический запах свежей крови.

Это было кошунство. Даниэль крепче прижал меня к себе, его ладонь стирала слезы, бегущие по моим щекам.

— Тише... — шептал он мне на ухо. — Мы уже ничем им не поможем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.